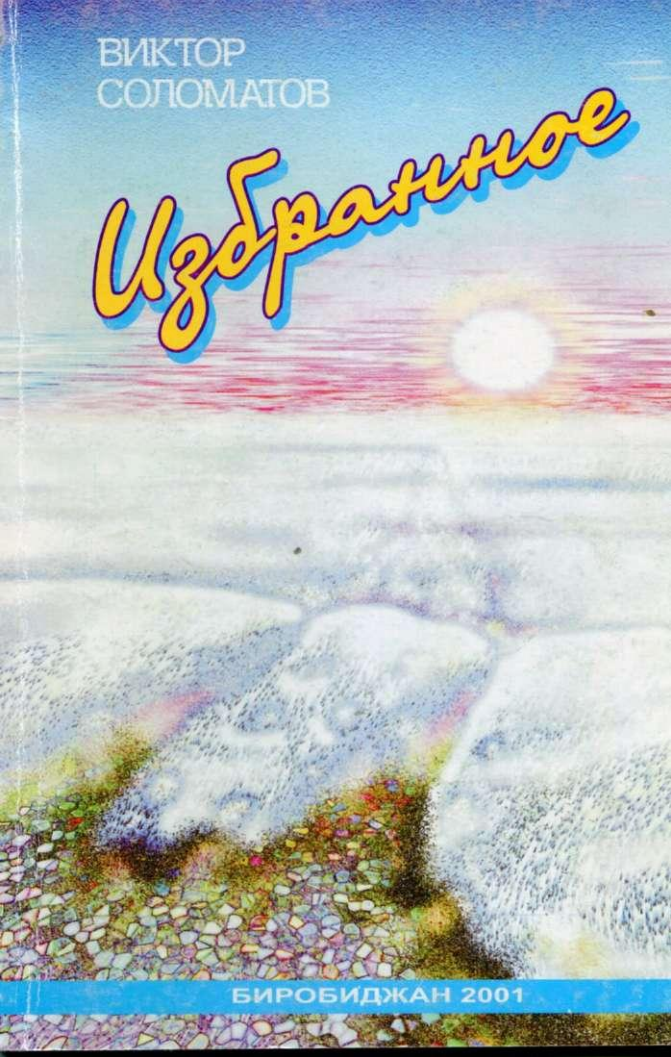
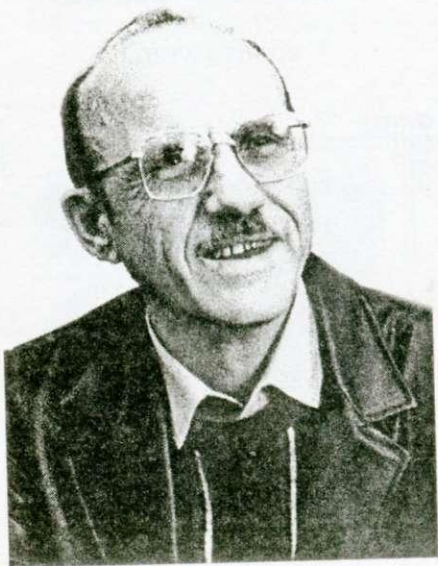

ВИКТОР
СОЛОМАТОВ

Изобретение

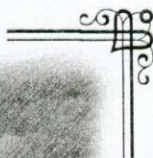
БИРОБИДЖАН 2001

ВИКТОР СОЛОМАТОВ

УЗБРАННОЕ

КНИГА СТИХОВ

г. Биробиджан
2001

Книга издана при поддержке администрации Еврейской автономной области.

От редактора

Виктор Соломатов широко известный на Дальнем Востоке поэт. Член Союза писателей России, автор поэтических книг «Росинка», «Отчество», а также «Кочевье» и «Складень» названия, которыми условно обозначены разделы этой книги. Известен своими переводами с еврейского.

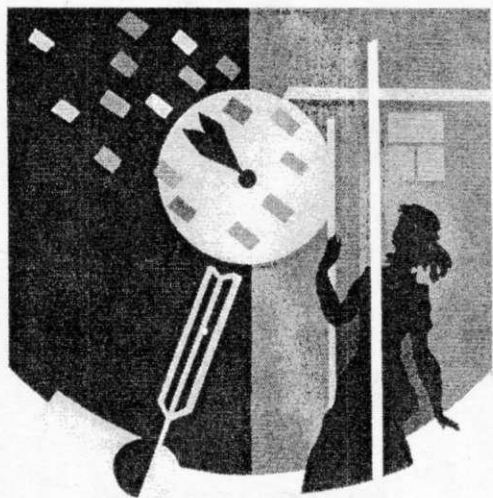
Сквозная поэтическая доминанта его творчества - романтика преодоления, когда в цене только трудная дружба мужчин, душевная открытость и требовательность в товариществе. Да - и нежность, и голос любви - как говор весеннего ручейка под толщей льда.

Редактор: М.Ф. Асламов

Художник: В. Дудко

Комп. набор, верстка: Н.Н. Губина

Автор и редактор благодарят за помощь в издании Игнатьева В.Д. и коллектив издательского центра «Приз».

СКЛАДЕНЬ

* * *

Ах, осень в Приамурье!
Для меня
Дороже нет поры в родном пределе.
На что ее я снова разменял
И не меня ли журавли отпели?
Пропели, прокричали, пронесли
Они тоску мою по белу свету.
Все в жизни мы
 потери понесли,
Но горшей для меня потери нету,
Чем жить вдали от тех приветных мест,
Где возмужал, окреп душой и телом...
Зачем стремимся мы на ост,
 на зюйд,
 на вест
И за кормой бросаем север белый?
Зачем уходим в теплые края?
Ведь мы же люди,
Мы совсем не птицы!

Зачем меняем в небе журавля
На глупую домашнюю синицу?..

Отчество

Отчизна,

Отечество,

отчество

Любовь моя неистребимая.
Кукушечьи в рощах пророчества,
Над степью круги ястребиные...
Живет во мне запах пшеницы,
Кедровника крепкий настой,
И поклики вспугнутой птицы,
И голос жалежки простой...
И сладко сжимается сердце
От светлой, щемящей любви
К земле, где прошло мое детство
И юные годы мои.
Взрослели мы трудно и рано,
И думаю, что неспроста
Нет в нашей породе Иванов
Из тех, что не помнят родства.
А я вспоминать не устану
И память года не сотрут
Отца, что назвали Иваном,
И мать, что Надеждой зовут.

Откровение

Гляжу в день грядущий
Сторожко.
Вчера
Величаво-строга,
Отчизна,
Как речка-таежка,
Что в половодь
Рвет берега.
Как в пламени,
Нету в ней брода,
Идет, все сметая,
Круша.
И сладко мне
Слово «свобода»,
А все
Не на месте душа.

Чаша

Ложимся спать, чтоб поутру вставать.
К работам и заботам, не к веселью.
В той чаше хмеля нет одно похмелье.
Испить до дна. И капли подобрать.

Во здравие ее вздымаем мы
В кругу друзей за скудными столами.
И не дано нам, твердо знаем сами,
Заречься от тюрьмы да от сумы.

Сыны своей земли, своей страны,
Мы слишком свято верили в догматы,
В то, что все мы отважны и крылаты
И нету виноватых без вины.

И чашу жизни наполняя всклень,
К ней припадали жадными губами.
Ломили на Турксибе и на БАМе,
И богом нашим был Грядущий День.

Мы, прошлое отринув и презрев,
Боролись и мирились
С настоящим.
А старый мир сей «допотопный ящер»,
Был Будущим, мы поняли, прозрев.

Вновь опьянев, как прежде, без вина,
Былых богов мы поминаем всеу.

И рвем оковы, а в сердцах бушует
Тотальная гражданская война.

Когда ж рука потянется к перу,
Дабы воспеть, восславить...
Мне все чаще
На ум приходит: пил из этой чаши.
На дне — похмелье во чужом пиру.

Обещали

Обещали снег с дождем.
Дождь прошел,
А снег не выпал.
Клок заката,
Будто выпел,
Врезан в хмурый оком.
Сквозь немывтое
Стекло
Я гляжу
На серый вторник.
Серый дворик,
Мокрый дворник,
Небо в лужи
Натекло.
Зрю я
Этот мир простой,
Все надеясь
Снег повалит.
Пусть обманет,
Но поманит
Первозданной чистотой.
Всю-то жизнь
Мы ждем да ждем,
Уповая и надеясь,
Веруя,
Впадая в ересь...
Обещали
Снег с дождем!

Мое поколение

А. Жабину

Нам выпало взрослеть в пятидесятых
То этого нехватка, то того.
Приметил я: слегка сутуловаты
Мужчины поколенья моего.

Мы горбились за низенькими партами
И, помнится, всегда хотели есть.
Раненько спознавались мы с лопатами.
Тут не до жиру. Уж какие есть.

Какие есть. Судьбою не задарены,
Мы свой полусиротский крест несли,
Но среди нас росли уже Гагарины
И Шукшины с Высоцкими росли.

* * *

Уж сколько раз меня на компромисс
Толкала жизнь. То жала, то ласкала,
Начальственно била: «Подпишись!»
Шептала: «Плюнь» и нежно целовала.

Но как бы дальше трудно ни пришлось,
А все же жить по-прежнему я буду.
Поскольку твердо знаю, что Христос
Не продан был. А куплен был Иуда.

Мода

Похоже, становится модною
Тема ГУЛАГа.
Гляжу без улыбки,
Как юный, лихой рифмоплет,
Бия себя в грудь,
С беспримерной доселе отвагой
Свою сопричастность
К событиям тем подает.

Мелькают в журналах
«Зека», «вертухай»

и «шмоны».

Поди удержи
Той фантазии
Буйный полет...
И что за беда,
Что парнишка
Не видывал зоны?
Стишки «проходимы»,
И значит, он их
Выдает.

В них густо намешаны
Байки,
Легенды
И были.
Что слышал,
Прочел,

Все в изящную
Форму облек.
И горько глядеть,
Как на праведной
Лагерной пыли
Восходит красавчик
Цветок-сорнячок
Василек.

Чего вы распелись?
Уймись, ребятки!
Окстись.
Не вам бы об этом.
Не ваша то боль
И беда.
Шаламовской тени
И многих иных
Постыдитесь...
А впочем, о чем я?
Сорняк
Он не знает стыда.

* * *

Утверждались идеалы
На века не на года.
Все бывало
В небывалом
Царстве вольного труда.

Шли мы, обгоняя сроки,
К идеалу своему.
А поэты и пророки
Обживали Колыму.

Ссылки, тюрьмы, поселенья
За «колючкою» страна.
Но на душу населенья
Вырос выход чугуна.

В обрамленье стягов алых
Всем знакомое лицо.
Утверждались идеалы
Кровью,
 словом
 и свинцом.

* * *

Шагни за черту,
что тебя отделяет от рая,
а может, от ада.
Страх перечеркнув,
доверься всесильному: «Надо!»
«А надо ль?»
скребется мыслишка
полуночной мышкой.
Живи, как живется
не первым, но ведь и не лишним!
...Но тина застоя плывет,
как осенние листья.
Бесшумно и мягко, как снег,
оппадающий с крыши,
тебя засыпает, и ты
засыпаешь, неслышим...
И
 не-в-мо-го-ту!
Ничего-то на свете не мило...
Шагни за черту,
что тебя от тебя отделила!

* * *

Моцарт на старенькой скрипке играет...

Б. Окуджава

Была ли билетерша столь растрогана,
То ль шибко поредел в антракте зал,
Но я услышал Леонида Когана
Мальчишкой на концерт его попал.

Над скрипкой бились лебеди не руки.
Я познавал, что цвет восторга ал.
И мне сердчишко холодили звуки,
Которые смычком он исторгал.

Весь мир я видел радужным и зыбким,
Ознобным и размытым, как рассвет...
Я понял: коль душа народа скрипка,
Смычком -- и только! --
Может быть поэт.

* * *

Разожми персты.
Что в горсти?
Помыслы чисты,
Хлопоты пусты,
И на сердце стынь
Больше ничего.
Только жгучий стыд.
Не теряй его!

Гнездо

Каким-то чудом держится одно
Гнездо среди заледенелых веток.
Когда-то пухом устланное дно
Январь подмел, взлохматил стенки ветер.
Распахнутое в жалкой наготе
Все напоказ в нем, все углы наружу.
Оставленное.
Я бы не хотел
Вот так же
Встретить
Снег,
и ветер,
и стужу.
И все же почему несем мы вздор?
Зачем в тупом каком-то ослепленье
Упорно говорим о нем:
«Гнездо»
Не пук травы
И не ветвей сплетенье?!

Стихи сыну

I

Растет мальчонка Ванечка
Затейником, забавничком.
И мать ему, и бабушки
То песенки, то баечки.
Рубашечки да прянички,
Игрушки
душке-Ванечке...
Их нежность не уместится
И в чаше океана...
А он в свои шесть месяцев
Уже глядит Иваном.

II

Скоро лето придет.
Мы в луга с тобой двинем,
Сыночек.
Мой Ивашка
Глазасто-лобастое счастье мое.
Государство Трава
Для тебя подходящая отчина очень.
Много тезок твоих проживает в пределах ее.
Я тебя познакомлю с цветком,
Что зовут Иван-чаем,
У Ивана-да-Марьи
Нам с тобой погостить предстоит.

Добро, сынок! Коль у тебя горит,
Кораблик знатный мы с тобой изладим.
Тащи-ка, братец, острый ножик мой,
А я покуда выберу дощечку.
Соорудим кораблик голубой
И пустим плавать в голубую речку.
Его подхватит легкая волна,
И ветер паруса его наполнит.
Я буду тем вознагражден сполна,
Что тот кораблик детство мне напомнит.
И окунусь я в твой безгрешный мир,
Тот, где лопатка значится «копаткой»,
Пределом счастья видится пломбир,
Воскресные катанья на лошадаках.
Где карусели весело скрипят
И праздничны поющие качели,
Необъяснимо яблоки хрустят
И елки зажигаются в сочельник.
По бережку вприпрыжку сын бежит:
За детством-кораблем, что уплывает,
На зыби чутким поплавком дрожит
И в бликах солнца безвозвратно тает.

IV

Пришла твоя четвертая весна,
Мой сын, рожденный в феврале буранном.
Уверенным движением весла
Апрель направил челн к берегам туманным.
Туда, где жлет доверчиво Ассоль,

Належдой и любовью веру грея,
Когда взойдет над пенной полосой
Рассветным солнцем алый парус Грзя.
Тебе до сказки этой далеко,
Но ты смотри на зарево восхода.
Дыши, сынок, привольно и легко
Над малой речкой в пору ледохода.
Сбивай, сынок, с прибрежных верб пыльцу.
Умой в ручье лицо свое и руки.
Запоминай: мужчине не к лицу
Терять лицо перед лицом разлуки.

V

Я стряхиваю с ворота
И шапки липкий снег
И дышится мне молодо
Под Ванькин звонкий смех.
Мы в сказку на салазках,
Под горку,

во весь дух.

Нас примет мягко,

ласково

Сугроба белый пух.
На саночках кататься,
Да чтобы не упасть?!
В сугробе искупаться
Нахохотаться всласть.
Отяжелели валенки,
По спинам пот бежит.

Но Ванька, хоть и маленький,
А понимает жизнь!
Визжат салазки полозом,
Горит румянец щек.
Мой сын сержантским голосом
командует:

Еще!

* * *

В январских гнездах пустота и стынь.
И с каждым днем в лесу с кормежкой хуже.
Все сушее таится. Лишь клесты
Птенцов выводят в пору лютой стужи.

Морозы гвозди крепкие куют.
Занозой острой гвозди эти в теле.
Но дети радость.
И клесты поют.
Синхронно подпевают им метели.

Когда в душе сумбур и неуют
И сердцу так успокоенья надо,
Я в лес иду. А там клесты поют
Средь белого безмолвия и хлада.

Снега чисты, как белые холсты.
Как мудро все устроила природа!
Прекрасен мир, коль в нем поют клесты,
Восславив песней продолженье рода.

Учитель

*Светлой памяти первой моей
учительницы П.Д. Зубовой*

Прасковья Денисовна,
Вот уж и нет Вас на свете.
Ох и быстро ж растет
На могилах
Забвенья трава!
Я хотел написать,
Что Ваш образ
Сквозь годы нам светит,
Но душою вдруг понял,
Что все это
Только слова.
Снова лужи подернулись
Зыбким, озноблвым кружевом.
Желтый лист закружил,
Как предвестник метелей и стуж.
Я теперь понимаю,
Каково было бывшей бестужевке
Через всю-то Россию—
В село Богородское,
В глушь.
От огней Петербурга
Во тьму бытовых неурядиц,
В жизнь,
Что грызть принялась Вас,
Как тощ ий гостиничный клоп.

И упорно Вам «тыкал»
Тупой, вечно пьяный урядник,
И анафеме предал
За стрижку короткую поп.
Суть учительства в том,
Чтоб твой образ
Был ясен и светел,
Чтоб любили тебя
И стремились тебе
Подражать.
«Богородскою мамой»
В двадцатых
Вас звали нанайские
Дети.
Просто мамою
Выпало нам
Вас в лихую годину назвать.
Не люблю вспоминать
Лед,
В чернильницах наших
Намерзший,
И затертый «Букварь»,
И заплатки, и сахар-меляс...
Наши фрицев поперли!
В сводках пишут:
Бои уже в Польше.
В дни салютов
Улыбками светится
Наш первый класс.
Я не знаю, откуда

Бралась в Вас
Та светлая сила.
Как могли
Вы в те годы
Учить нас всех
Жить не тужить.
Вы, еще в сорок первом
Потерявшая мужа и сына,
Как смогли в наши души
Надежду и веру
Вложить?
Прасковья Денисовна,
Вас уже нету на свете.
Не возьмусь для себя
Предсказать повороты
Дальнейшей судьбы,
Но Учитель, Отчизна и Честь
Я святые понятия эти
Ставлю в ряд
С той букварною прописью:
«Мы не ра- бы»!

* * *

Снега сорок первого
не белы,
а черны
от беды.

На них
алый отсвет
пожаров и залпов.

Они
точь-в-точь
госпитальные,
в ржавых потеках,
бинты.

От них
удушающий
режущий запах
надежд и стремлений,
сожженных живьем;
кровавого пота...

Ровесник,
пока мы на свете живем,
помни
снега
сорок первого года.

* * *

Романтика войны.
Войны гражданской.
Сын на отца идет.
На брата брат.
Я бредил ею
И, видать, дождался —
По всей Отчизне
Выстрелы гремят.
Вновь начались игрульки
В «левый» — «правый»,
Но всяк хотел бы
Пожирней кусок.
Писателю
«Обидно за державу»
Мне за него обидно,
Видит Бог!
Десант в Литве,
Набычившись упрямо,
Стеной стоит
За танковой стеной.
Крик из толпы:
«Солдат, что скажешь маме?»
Войдет в сердца
Отравленной стрелой.
Мы все в цвета играем:
«Красный — белый».
В итоге ж
Поражений и побед

В войне гражданской
Выиграет серый.
Уж было так.
И в том сомненья нет!

Земляника детства

Память жесткой травой повиликой
Цепко держит ушедшие дни...
Отправляемся за земляникой —
Пацанва-восемилетки. Одни.
Пахнет луг подсыхающим сеном,
Вязким медом, цветочной пылью.
Солнце прямо на голову село,
Липкий пот заливает лицо.
На коленках ползу по полянке,
Ненавижу, жарой оглушен,
Кружку ту из консервной жестянки
С красной надписью «Мясо тушен...»,
Но удача с настырными дружит.
Рано ль, поздно ль,

а их-то найдет.

Лишь бы ягодку мне обнаружить,
Глядь вторая,

а там и пойдет...

И пошло. Я работаю споро,
Уж наполнена кружка на треть.
В час пятнадцать по-местному

скорый,

Вот к нему-то и надо поспеть.

Поспеваем.

Бежим вдоль состава,

Тянем кружки, на цыпочки встав.

Паровоз, отдуваясь устало,

Мягко трогает с места состав.

И везет по просторам великим,
Разводя на подъемах пары,
Запах угля, смолы, земляники,
Запах детства военной поры.
Мы ж,

зажав во взопревших ладонях

Наши праведные медяки,
Крупной рысью на станцию гоним,
Где торгуют буфет и ларьки.
За весами следя настороженно,
Слово молвить боясь невпопад,
Покупаем в ларечке мороженое
И шипящий в нос лимонад.
И пускай станционные видят
На свои пьем-едим.
И свое...
А на вафле продавлено: «Витя»
Или «Гая» на счастье мое.

* * *

Гроздей розетки, налитые всклень,
В густой листве широкие прокосы,
На срезе потемневший склизкий пенъ
Осень.

* * *

В пору ожидания снегопада,
В час, когда короткий день угас,
Вдруг, без спроса, надо ли не надо,
Просветленье посещает нас.

На дворе очередная осень
Буйствует в неистовой красе.
Глядь, виски посеребрила проседь,
А ровесник тот и лыс, и сед!

Сутолокой суток заморочен,
Вечно в гонке за летящим днем,
Ты о нем и вспоминал не очень,
О немалом возрасте своем.

Сам давно ли проходил науки,
Познавал и жизнь, и отчий край?
Только оглянулся, а уж внуки
Теребят за брюки: «Поиграй!»
Поиграй, приятель!

Жизнь к закату

Клонится.

Всему свой час и срок.
На кленовой ветке виновато
Светится последний твой листок...

Раздумья в снегопад

...А первый снег похож на белый стих
Такой же белый, тихий и прозрачный.
И падает-то он неровно как-то,
И замирает, с веток облетев.
В январский день снега сбиваются в сугробы.
В жгуты свивает их февральский ветер.
В сосульки превращает хитрый март.
Апрель мазнет по насту желтой кистью
И почернеет, и осядет снег
Так оседает шапка над квашнею,
Когда хозяйка переквасит тесто.
И вот звенят весенние ручьи,
И снег уходит в голубую Землю.
Ее я называю голубою и потому еще,
Что космонавтам не доверять
Нет у меня причин.
Они ж в своих суждениях едины,
И утверждают все единогласно,
Что шар земной росинки голубей!
А это только снег, ушедший в землю,
Просвечивает сквозь земную корку...
Ведь он не умирает, а выходит
на белый свет
Лиловым колокольцем,
И синеглазым васильком во ржи,
И запахами рясного багула
По склонам сопок, сизых от ветров.

Приходит осень к нам,
А вместе с нею,
Он тот же самый,
Просто вносъ воскресий
Из синевы цветов и родников,
Морей и рек, подземных вод и радуг
И выбеленный щедро облаками,
Чтоб думали мы — это первый снег.
А он не первый — он очередной.
Ведь первого в природе очунь малло,
И первые приходят раз в столетье,
В тысячелетье деже, может быть!..

Гроза

Все небо разом морок заволок.
Летит дива, подхваченная вихрем.
На просеки, на припотевший лог
Предгрозье пало. Сжавшись, все притихло.

Не слышно перебранки воробьев,
Умолкли в чаще щебетуны-птахи,
И молния азартно небо рвет,
Как в драке ворот выходной рубахи.

И лупит в землю дождевой поток,
И пузырятся, закипая, лужи.
И грозового воздуха глоток
Бодрит, как спирт в разгар январской стужи.

Ушла за синий окоем гроза,
И вновь июль крылом над лугом машет.
И плятятся на белый свет глаза
Доверчивых, как малыши, ромашек.

Суворов

Суворов играет в бабки
С кончанскими ребятишками.
Литая, тяжелая битка
Не дрогнет в его руке.
В Европе грохочут войны,
А тут, в Кончанском, в затишье,
Лишь гулко колотят бабы
Вальками белье на реке.
Забытый царем и светом,
Разносит он кон за коном,
И спорит в игре, и нашагивает,
И сжульничать норовит...
А жизнь между тем протекает
По вечным своим законам
Суворов играет в бабки,
Россия тревожно спит!

Скоморохи

Ой, не гусли,
 как в сизом небе гуси
Скоморошья дудочка над Русью.
Все ведет мелодию,
 попискивает,
Озорно словцо в народ
 протискивает.
А народ на площадях
 хохочет —
Скоморох на ходулях, что кочет
На насесте.
 Кричит, надрывается,
Над богатым-тароватым измывается.
Ты, купчина,
Толстозад и толстопуз,
От какой беды-кручины как огруз?
Ты, хозяин наш,
Да кудрявый наш,
Ты кудрями потряси,
Да нам по стопке поднеси!
Ох, плох
Царь-Горох!
А боярин плоше:
Царь бьет
Не дай бог,
А боярин больше.
Ты ходи, ходи, ходи
Да Потапыча води!

Ты води его води,
приговаривай,
Да камаринского с ним
выкомаривай!..
Ой, не гусельки,
как в сизом небе гуси
Скоморошья дудочка над Русью!

Евпатий Коловрат

Татары бьются
Как о стену горох.
Рязанцы бьются —
Один против трех.
В бору под Черниговом,
Как у царских врат,
Стрелами исчерканный
Стоит Коловрат.
 Брате Евпатие, держись!
 Держусь!
Всех не поборют, отче Ратиборе,
За нами — Русь!
Падали снопами —
Обильна жатва.
Потомкам память.
Бирюкам — жратва.
Вороны, вороны
Над Русью галдят...
Коловрат похоронен?
Жив Коловрат!
Рязанский ли, муромский —
Жив Ратибор!
Над ними хмурится
Сосновый бор,
И воды полые
О них шумят...
Коловрат похоронен?
Жив Коловрат!

Алексашка

У князя новгородского
В дружине
Был кметь бывалый
Тоже Александр.
Так получилось:
С князем не дружил он,
До времени таился
По лесам.
А вышло что?
Еще в Переяславле
Перед мурзой
Не скинул шапки кметь,
И был за это
Татарвой ославлен,
И над спиной
Взвилась тугая плеть.
Но кметь силен —
Они того не чаяли.
Он в их руках
Плотвицею блеснул
И, вырвавшись от палача,
С отчаянья
Мурзу по пузу
Саблей хлобыстнул.
И к князю на подворье,
Только следом
Татарская немислимая
Рать.

Подворье окружили
Справа, слева,
Стучат в ворота:
Дать его — подать!
Не то блюдя
Закон гостеприимства,
Не то орды
Набегов убоясь,
Иль не простив
Холопу лихоимства,
Мурзам татарским
Тезку выдал князь.
А тот в побег.
Гудят калены стрелы,
И конные
Ударили вдогон.
И, как на птаху
Серпокрылый стрепет,
Пал на опушке
В папоротник он.
И слушал лес.
И клокотала злоба,
И вырывалась
Хрипом из груди:
Добро же, княже...
Я тебе до гроба
Не позабуду дружбы,
Погоди...
Два года кметь
Таился по оврагам,

Ватагу из разбойных
Сколотив.
Обозы шарпал,
Пил хмельную брагу
Да во хмелю певал
Один мотив:
— Попомню,
Ох, попомню дружбу, княже!
Помянешь Алексашку
Не однажды,
Когда на двор придет
Лиха беда...
Густа по пашням
Встала лебеда,
И мужику
От хлеба и до хлеба
Концы с концами
Не свести никак.
А тут еще по первопутку
Снегом
На голову
Тевтонец давний враг...
Князь вел полки
На сечу.
И лесами,
Нехоженой звериною
Тропой,
Ватагу вел
Под княжеское знамя
Кметь Алексашка,

Извострив топор.
...Когда дрались уже
У коновязей
Псковские озверевшие полки,
Он свистнул вдруг,
Опережая князя,—
И шатуном
Тут мужики
Пошли.
И бысть победа скоро!
И скоморох что силы
В дудку дул!
И в разливанном море
Пьяных споров
Гуляло войско русское
На льду!
И Александр,
К святым причислен ликам,
Сел князем
В Новгороде Великом.
Но умер подневольным,
Как и жил:
Его в Орде
Татары отравили,
Они ему победы
Не простили.
Вот Алексашка
Тот их до-о-олго бил!

Поток

Поток-богатырь и гуляка, и хват.
Потока ярыги в кружалах бранят.
Грозятся побить тот базарный люд
До драки кулачной куда как лют.
Поток косяки у дверей плечом.
Поток на ладонь поплевал горячо!
Поток с ярыгами не точит ляс,
Поток-богатырь в богатырский пляс.
Маковки на теремах
Ух-ах!
А шеколда на дверях
Бряк-бряк!
Каблуками чешет
По полу Поток,
Диким лешим
Ахнул хохот в потолок!
Заплясала Русь,
Становись не трусь!
Скоморошья дудочки
Повизгивают,
Упаду не боюсь,
Только бры-з-з-ги!
Ходит он. Руками машет.
Нету пляске той конца...
Хорошо, собака, пляшет.
Не задумывается!

Микула

С сердцем вгоняет Микула гвоздь
В борону: расшаталась.
Ворчит Микула: «Белая кость...
Баре! Разбаловались.
Все б им плясать, да меды хлестать,
Да дрыхнуть по сеновалам.
А ну, как грянет заморский тать,
Попрет саранчиным валом?
Пахать потрібно. Хлеба растить.
Так нет. Мы-де княжевы воины.
А вот пойдут полосой посты,
Тогда, голубчики, взвоете...»
Идет Микула по борозде,
Кричит на Савраску басом.
Шелом богатырский, на шест воздет,
Вознесся над жбаном с квасом.
Князя Вольгу помянув недобром
(Чем бы вы тут кормились?),
С вечерней зарею вернется в дом
Мужик.

Работяга.

Кормилец.

В городском саду играет...

Парк сотрясают ушедшие в прошлое марши.
Вальсы старинные плавно над парком кружат.
Были мы молоды. Стали взрослее и старше.
Только от музыки этой

сердца, как и прежде,
дрожат.

Прошлое в души к нам входит под звуки оркестра.
Как он старается, добрый оркестр духовой!
Ты не жена мне еще и пока не невеста
Просто мы молоды очень, родная, с тобой.
Вальс наплывает стремительный, томный и нежный.
В трубах клокочет и плещет Дунай голубой,
Сопки Маньчжурии тонут в просторах безбрежных,
Волны амурские бьются о берег крутой.
Чисто кларнеты выводят и соло, и втору.
Солнечный зайчик дрожит над блескучей трубой.
И возвращает нас в юности светлую пору
Старый знакомец наш, добрый оркестр духовой.

какой-то Каин.

А в глазах уже маячит плаха
И топор палаческий сверкает...
Над талантом человек не властен,
Тот резонов признавать не хочет.
Поглядел и ужаснулся мастер
Им самим содеянному ночью.
И тогда в каком-то озаренье,
В час рассветный заревой и росный,
Предал он огню свое творенье,
Обратив в каленых углей россыпь.
Выпив ввечеру, не то чтоб в стельку,
Пояснял всем встречным осторожно:
«Быть не может связанного Стеньки,
Волю вольну повязать не можно!»

II

Друг.

Приятель.

Знакомый.

Жена.

Как с ума посходили люди:

Ты читаешь про Шукшина?

Говорят, продолжение будет.

— Сделайте одолжение,

Какое там продолжение?!

А над Русью —

вороний гам.

Лес стоит прозрачный и ясный.

По российским рясым снегам
Стынут капли калины красной.
Остывают на ломком ветру
Недосказанные им были.
Мне давно уже не по нутру
Вой признания надмогильный.
Ночь.

В квартиру вошла тишина.
Как по кромке идет.

По краю.

Не читаю про Шукшина,
Я его самого читаю!

* * *

По стволам водопроводным трубам,
Рокоча, идет весенний сок.
Не махнуть ли нам с тобой, голуба,
За город, к природе на часок?

Там, в лесу, где в тальники тугие,
Кто-то нам тропинку проторил,
Я скажу тебе слова такие,
Что давным-давно не говорил.

Ты земли увидишь пробужденье,
Музыку услышишь тишины...
У природы нынче день рожденья,
И на праздник мы приглашены!

* * *

Ах, как август
ранетом засыпал сады
Наливным,
красношеким
и спелым...
На поникшей траве
остаются следы
Это осень моя подоспела.

Не ждалось,
что так рано я встречу ее,
Почитай,
что и не было лета.
Бьется сердце,
холотится сердце мое,
Как кленовый листочек под
ветром.

* * *

Я рад, что мне, а не кому-нибудь,
то счастье величайшее дано
здесь землю распахать, как распахнуть
ее встречу солнцу.
Заронить зерно
в тот напоенный влагой чернозем,
в сухой подзол, в суглинок ли, в лесок...
Нам ~~нелегко~~.
но мы свой воз свезем.
И да пробьется к свету колосок!

Свеча Пастернака

Немалые годы
Нам светит из мрака
В любую погоду
Свеча Пастернака.
Сквозь боль
и невзгоды,
Сквозь сумраки лет
Доходит
Ее немигающий свет.
То пела метель,
То звенела капель,
То грохот победный,
То горечь потерь.
Лавиною беды
Летели на нас,
Но трепетный
Тот огонек не угас.
Планету пожар
Мировой раскачал,
Но ровно и чисто
Горела свеча.
Я знаю —
Есть люди,
Что мыслят инако.
Им на дух не надо
Стихов Пастернака.
Но он и рассчитан

На тысячи лет,
Поэзии истинной
Пламень и свет!

Гончарный круг

Свете Глебовой

Он кругл,
На то ведь он и круг.
Он — плосок,
Зашлифован в лоск
Ладошами шершавыми,
Как рашпиль.
Гончарный, все не старящийся круг,
Что докатился из времен вчерашних.
На нем рождались чаши и горшки,
Которые, уж ясно, что не боги
Сажали в обжиг.

Износился шкив.

Педаля истерли времена и ноги.

Гончарный —

на тебе замкнется круг

Отчаяний, изысков и находок.

Что дуги гнут терпеньем,

а не вдруг —

Через тебя мы к этому приходим.

Когда неотвратим вращения ток,

Когда из глины, суеты и буден

Вдруг под руками мастера

горшок

Цветком взойдет и загудит,

как бубен!

* * *

Анатолию Кобенкову

«В тетради общие писать
Необщие слова,
Стихи ночами сочинять,
Себе и близким
Жизнь ломать —
Кто дал тебе права?»
Так вопрошает мудрый глас
В ночи бессонной, и не раз.
Наплюй на сей пустой вопрос.
Ты юн, пышноволос,
Еще далек твой тяжкий воз
От роз,
от розг,
от слез...
Еще ты не перегорел
И значит — не потух.
Пищит цыпленком во дворе
Твой жареный петух.
Вноси же в общую тетрадь
Необщие слова.
А после будем разбирать,
Кто дал тебе права!

Петухи

М. Асламову

Петухи на Руси
Голосисты, горласты.
Поутру парусит
Алый гребень на прясле.
«Ку-ка-ре-ку!» — взлетает
И падает камнем
За Ишимом и Обью,
За Леной и Камой.
«Ку-ка-ре-ку!» — выносят
На гребнях рассвет
Петухи по Руси
Уже тысячу лет.
Начинается с крика
Истошного их
Новый день на Руси.
Вот он вспыхнул и стих,
Отгремел, отгорланил,
И падает ночь,
И не знает никто,
Чем нам можно помочь.
Но когда погружается
В сон
Высокий наш дух,
На Руси нарождается
Новый петух.

Складень

I

Вся жизнь поэтов — знобкий неуют.
Ее у них до срока отбирают.
Их то наемной пулей убивают,
А то при жизни жизни не дают.
Вот стихотворцы, те имеют дом,
Где сладко естся, да и слаще спится.
Одна у них заботушка

не спиться б,

Не захлебнуться марочным вином.
Их широко при жизни издают,
Выходят их собранья сочинений,
В которых бойких строчек

сочлененья

Они за глас народа выдают.
Угодничая,

подличая, лстя,

Преуспевает шустренькое племя...
Проходят времена,
Приходит Время,
Все расставляя по своим местам.

II

Черный рынок —
Всех книжных издательств дары.
Только цены

К альпийским вершинам восходят:
Осип «стольник»,
Марина — полсотни,
Борис полторы.
И совсем раздевают
За «Нерв» обнаженный Володи...
А они эти строки
В сомненьях и муках рожали,
Продирались к сердцам
Сквозь безверья,
Безвременья мрак.
Так издай же. Отчизна,
Миллионными их тиражами,
Чтоб не мог наживаться
На гениях наших маклак!

III

Несыгранная роль. Куплет неспетый.
И рукопись, лежащая в столе....
Да есть ль за то хоть кто-нибудь

в ответе

На многогрешной матушке-земле?
Не годы культа. Не пора застоя.
Не черных «пташек» проклятуший век.
Не пароксизм чиновничьего строя.
А кто-нибудь конкретно? Имярек?
Гляжу и вижу,
Что, как прежде, князи
Нас поучают

С должностных вершин,
Все те,
Кого страшил
Шукшинский Разин
И Пугачев Высоккого
Страшил...

* * *

Стихи что дети.
Ты не торопись
Их отпускать
От отчего порога.
Куда как многотрудна
Наша жизнь.
Окрепнут пусть,
Пусть подрастут немного.
Ты породил их
Выпестуй, взрасти.
Родителем
И нежным будь, и строгим.
А то, гляди,
Заблудятся в пути
И не найдут
К сердцам людским
дороги.

Портрет

Галине Гансовне Мазуренко

Комком осклизлой первородной глины
В тазу моя лежала голова.
И белизну январскую эмали
Марали пятна бурые, как кровь.
«Начнем», — сказала скульпторша спокойно,
Давя о край стола окурок «Примы».
Начнем. И непонятная тревога
Рукой холодной прикоснулась к сердцу.
Как шторы с глаз, упали с окон шторы,
И свет ударил ливнем в мастерскую.
И оглушенный, и прибитый этим
Потоком ослепляющего света,
Я стал не я. Она меня лепила,
Как некогда создатель человека.
В портрете том себя не узнавая,
Глядел я на себя со стороны.
Я был не тот, к которому привыкли
Друзья мои, моя жена и сын...
Художница работала, устало
Мешающий ей локон поправляя
И крепко сигарету прикусив.
А дым, что верткой голубою змейкой
Полз к горлу моему, ужалить целясь,
Ее, как видно, тоже беспокоил,
И все она отталкивала змейку,
И что-то поправляла и скоблила,

Почти совсем не глядя на меня.
Давно то было. А портрет купили.
Он выставлен теперь в каком-то клубе,
Где мне, пожалуй, и не побывать...
А я все помню голубую змейку,
Увертливо стремящуюся к горлу
Еще не завершеного портрета,
И руку, отгоняющую гада,
И скульптора суровое лицо.
Лицо творца. Такие лица видел
Я у друзей своих, увы, нечасто.
Быть может, потому, что вдохновенье
Все реже на порог приходит наш?
И мы не можем разглядеть друг друга
Под ворохами всяческих одежд,
В которые, вообще-то добровольно,
Мы кутаем подчас не тело душу...
А в мраморе я свой портрет не видел,
Но знатоки твердят, что он удача,
Хоть внешне на меня и не похож!

Гекзаметр Гомера

Ни зарева восхода, ни цветенья,
Ни голубя в прозрачной синеве,
Ни пенных волн крутого колыханья
Не мог увидеть он слепой Гомер.
Вот потому-то и любил у моря
Просиживать он долгие часы,
Прислушиваясь к рокоту прибоя
И чутко прикасаясь к мокрой гальке.
И ритмы моря, что вздыхало влажно
И всасывалось в голубой песок,
Ему размер поэмы подсказали.
Был тот размер безбрежен, будто море.
И заставлял сказать единым вздохом
Все, что хотел бы ты сказать строкой.
Какие надо легкие иметь,
Чтоб с морем в унисон! тебе дышалось!
А мы давно забросили гекзаметр,
И к морю отдыхать, а не работать
мы нынче едем.
И под шум прибоя читаем «Илиаду»,
«Одиссею»
И даже сами что-то сочиняем!
И все никак попасть не можем в ритм...

Когда-нибудь

Когда-нибудь я соберу стихи,
Отвергнутые ранее
И в книги
Мной не поставленные, преданные мной,
В угоду тем стихам, что обрели
Читателей
И даже, может статься,
Немногих почитателей своих
Я соберу их под одной обложкой.
И мне совсем не нужно будет рыться
Для этого в бумагах порыжелых.
Стихи те в сердце у меня живут.
И все, кому мое знакомо имя,
Прочесть их смогут
То-то удивятся!
Еще, пожалуй, могут не поверить,
Что это я такое написал.
Ведь те стихи, что «зарубил» редактор,
Что не пришлись по нраву рецензентам
И консультантам в фирменных очках,
Как говорят у нас, «не показались»,
Они и есть поэзия моя.
Не отрекусь от тех, что напечатал
Я ранее.
И в этой книге тоже.
Но те, что за бортом ее остались,
Они и есть то главное
Мое!

Когда-нибудь их в книгу соберу я,
И все тогда увидят то, чего
Всем сборникам моим недоставало...
Пять-шесть стихов, что «зарубил» редактор
Два-три, что «забодали» рецензенты
И консультанты в фирменных очках.
И то одно, написанное мною
В тот час, когда я как поэт родился,
И до сих пор нигде и никогда
За тридцать лет ни разу не печатал.
Невелика объемом будет книжка.
И назову ее я без претензий,
Неброско так и простенько:
«Стихи».

* * *

Гале

Случилось нынче припоздать весне:
Подзадержалась дальнею дорогой
Укоренился прошлогодний снег
В ложбинах, по урманам, по отрогам.

Уже ручей к реке стремится свой бег
И лед осел, и птицы прилетают.
Ты говоришь мне: «Снег».
А что нам снег?
Он старый, прошлогодний,
Он растает.

Растает снег, зазеленеют озими.
И снова ветер будет пахнуть прелью.
Просядет синий лед на Черном озере,
Источенный у берега капелью.

И выберется из-под снега тропка,
Протопанная нами прошлым летом.
Но отчего так трепетно и робко
Зимою вспоминаю я об этом?

Тому виной крещенские морозы?
Или твоя сердечная остуда?..
Все может случиться. Но презренной прозой
Я наше лето вспоминать не буду.

В свой срок опять зазеленеют озими,
И снова ветер будет пахнуть прелью.
И в наше лето там, на Черном озере
Мы допоем все то, что не допели...

* * *

Волховала кукушка
В заповедном лесу.
Куковала тоскливо,
распевно,
надрывно

Вновь мне мнится:
Тебя на руках я несу
По тропинке лесной,
Молодой и наивный.

И так сладко,
Так вязко парит
Дурнопьян,
Так зазывно хохочет
Ручей на опушке.
Все цветы,
Всю малину
Окрестных полян,
Годы жизни
Совместной
Сулит нам кукушка.

Как не верить
Распахнутым
Настежь глазам,
Если в них
Пролилось,
Опрокинувшись, небо.

Ни полслова тогда
О любви
Не сказал,
Но уж больше
Так счастлив не буду...
И не был.

* * *

Волховала кукушка
В заповедном лесу.
Куковала тоскливо,
распевно,
надрывно

Вновь мне мнится:
Тебя на руках я несу
По тропинке лесной,
Молодой и наивный.

И так сладко,
Так вязко парит
Дурнопьян,
Так зазывно хохочет
Ручей на опушке.
Все цветы,
Всю малину
Окрестных полян,
Годы жизни
Совместной
Сулит нам кукушка.

Как не верить
Распахнутым
Настежь глазам,
Если в них
Пролилось,
Опрокинувшись, небо.

Ни полслова тогда
О любви
Не сказал,
Но уж больше
Так счастлив не буду...
И не был.

Синие розы

Синих роз под солнцем нет.

Р Киплинг

Синие, пышные розы
Цветут в цветниках Ламанчи.
Земля пропитана зноем
И запахом спелых трав.
Подвига будь достоин,
Путь подвига так заманчив.
И рыцарь Печального Образа
По-своему очень прав.
И пусть он смешон и жалок
В доспехах своих прержавых,
Но ветер по свету кружит,
Крича, что он нужен, нужен,
Как воздух, как хлеб с водою,
Как небо с Полярной звездой,
Тем, кто дорогу ищет.
Носится ветер, свищет...
Муза далеких странствий,
Меня упрекни в постоянстве:
Я вечной живу надеждой,
Что я такой же, как прежде.
Что снова готов я к бою
С мельницей ветряною.
Что в злато клинок не оправлен
И к ножнам еще не прирос.
И, как Дон Кихот, я отравлен
Запахом синих роз.

КОЧЕВЬЕ

Кочевье

Завершалось кочевье
Таежным пожаром,
корчевьем.
Горьким потом,
слезьми,
что роняли
В межу мужики.
Именуемы смердами,
Быдлом,
холопами,
чернью.
Поднимались всем миром,
Потуже стянув кушаки.
Им с лихвой отпустила
Судьбина и мора, и глада,
На капустных коченьях
Взрастали,
С картохи сильны.
И телегу в кочевье
Мужик основательно ладил,
Коли худо на Волге —
За Волгою дали ясны...
Страсть к кочевью
Всю жизнь меня мучит
и гложет.
Я и строил,
и сеял,
Но манит дорога — привык.

Может, это судьба,
Что ж, бывает такое...
А может,
Заразил этой страстью
Мой предок, российский мужик.
Кочевое жите

мне давно

по нутру и по нраву.

Я полями иду,

над Землей голубою

лечу.

Из криниц ключевых

кочевую глотаю отраву,

И в природе

чудес

До конца разобраться хочу.

* * *

Я приехал оттуда,
Где вьюги, как белые волки
Глухо вторят ночному
Собачьему вою.
Где мороз хладнокровно
Вгоняет под ногти иголки,
А у жителей местных,
Превыше богов, почитается Ворон.
Куткинняяку зовут
Хитромудрого этого бога,
До сих пор ему малые жертвы
Коряки приносят.
Но от тундровых троп
Пролегла, извиваясь, дорога
В край тайги,
В золотую приморскую осень.
От привычек былых
У меня ничего не осталось.
Я от встречных авто
Вдруг шарахаться начал.
Я, на белой тропе
Позабывший про слово «усталость»,
Я дышу и живу,
Ощущая снегов твоих талость.
Золотое Приморье,
А ты не суди меня строго,
Видно, мне не хватает
Безбрежья заснеженных далей,

И того Куткиннюку —
Простецкого, в общем-то, бога,
Обложившего сердце
Весьма ошутимой данью.

Кочующий полуостров

Камчатка кочует.
Чаюет. Ночует
У тундровых
Мелких, неброских костров.
Камчатка все знает.
Все видит и чувствует,
И входит в сердца нам,
Как в наледь остол.
Оленьи стада разлились по тундре.
В простуженном море ее сейнера.
Порою нам горько.
Сегодня нам трудно.
А завтра труднее, чем было вчера.
Геологи бродят
По мшистым равнинам,
Радисты орут
В ошалелый эфир.
И тонко, похоже
На писк комариный,
В «Спидолы» к нам входит
Загадочный мир.
Мы вечно в походе,
Мы вечно в движенье.
И летом,
И в лютую стынь января.
В дыханье одном и одном напряженье
Большое кочевье
Камчатка моя.

Предзимье

Еще до снегопадов далеко
И тучный август властвует.
Но чинно
Туманы, как парное молоко,
Ползут с рассветом в сизые лошины.

До утренников далеко еще,
Не разглядеть тревоги в свете мгlistом.
Но я уже открыл печальный счет
Желтеющим в аллеях дальних листьям.

Еще калины пламенеет кисть,
Бросая в чашу солнечные блики.
Но криквы на крыло уж поднялись
И изморозный цвет у голубики.

Неистовее пляска мошкары,
Над марями стоящей тучкой дыма...
И властное дыхание зимы
Все явственней в природе ощутимо!

* * *

Ты в дорогу
Мне с порога
Помаши помахай,
Прежде чем упряжку
Трогать,
Натяну малахай.

Торбаса подтяну я,
Боком в нарту
Ввалюсь.

Кох!
И псы потянули.
Не грусти, я вернусь!

Растворяется в тундре
Ломкий нартовый след.
Здесь бывало мне трудно,
Голодал тут и слеп.

Но я верю в свиданье
В этой белой глуши.
Только ты на прощанье
От души помаши!

* * *

Мороз окреп.
Пурга к утру устала
И залегла сугробами
На дневку.
Далекий друг,
Ты помнишь ту чаевку,
Те сухари,
Что были тверже стали.
Об них сломал тогда
Я нож пареньский.
И кипяток не грел,
И спирт не грел.
Каюр тебе кухлянку
Кинул — грейся!
Костер среди сугробов
Еле тлел.
И сорок верст
до ближнего селенья,
И ртуть застыла
возле сорока...
Вот только нынче,
мне на удивленье,
Оттаяла замерзшая строка.

Карага

«Кар-рага!» каркнет чем-то рассерженный ворон!
«Кар-ра-гах!» глухо ухнет над уловом лед.
Понаддали собачки. Въезжаю в поселок,

в котором

Закадычный мой кореш,

Володька-учитель живет.

Он и примет, и чаем согреет каленым,

Он и спирту плеснет: Пей!

С дороги-то, ясно, продрог...

Я люблю и зимою, и летом камчатским зеленым

Приходить на его

небогатый, но щедрый порог.

Кукули мы раскинем —

мешки из оленьего меха.

Помолчим перед сном,

слыша вопли пурги под стрехой.

...Мне-то что?

Если что, я могу и уехать.

Ну а он не уедет.

Я знаю, что он не такой.

«Кар-рага!» каркнул чем-то рассерженный ворон.

«Кар-ра-гах!» ухнул гулко над уловом лед.

Понаддайте, собачки!

В Карагу мы въезжаем, в которой

Друг мой ситный,

Володька-учитель живет.

Баллада о вожаке

Четверо суток гуляла пурга
И трое суток еще.
Тундра к пришлым людям строга,
Мы дням потеряли счет.
Сначала лезли мы сквозь пургу,
Сквозь мягкий и белый ад.
А после сказал я проводнику:
Давай повернем назад.
Отверг проводник, мотнув головой,
И закричал на собак.
И был ответом жалобный вой —
Поднялся один вожак.
Он был в снегопаде красив как черт!
Он знал лучше нас, где дом.
И все рассчитал он, и все учел
Собачьим своим умом.
Старик-проводник добивал собак
Ударами топора.
Вожак скулил — он сквозь липкий мрак
Видел: придет пора,
Когда мы поднимем слепой топор,
Голодные, на него,
И он не увидит ни синих гор
И вообще ничего...
Он вывел к избушке.
Огонь в камельке,
Сосульки срывались с бород.
Собачий суп клочкотал в котелке,

Обжигая голодный рот.
Но, когда на третью неделю пурга
И припасы сошли на нет,
Проводник поманил к себе жожака —
Тот лишь улыбнулся в ответ.
Хозяин снял с плеча карабин,
И все пять расстрелял в упор.
И странно: жожек стоял, как был.
А в глазах его стыл укор.
О том, что случилось
с проводником,
Не завожу разговор.
Был он слишком хорошим стрелком,
Чтобы промазать в упор.
Мы пили красный, расплавленный снег,
Не знаю, выжили как.
Но тронуть никто жожака не посмел.
И выжил с нами жожек.

* * *

Что нужно мне, когда я одинок?
А мне в тот миг всего сильнее нужно,
Чтоб дружбы нашей дальний огонек
Костром пылал. Дрова б трещали дружно.
Чтоб твердо знать, коль трудно —
не грусти
Костры друзей всегда — твои костры!

Вместо колыбельной

Искр в полуночной мгле — пропастища.
Языкатое пламя
Разметал по стоянке костер.
Сколько верст до Луны?
Может, сотни, а может, и тыщи?
Ночь стоит над костром,
Как большой прокопченный котел.
Тихо тихо.
Недвижима мгла и пространна.
Голос ветра повис,
Ночь, как омут, темна.
Разметавшись на нарах,
Спят вповалку ребята,
После жаркой работы,
Где было совсем не до сна.
Наломались как черти,
Катая тяжелые бочки.
Не нужны им ни деньги,
Ни губы любимых девчат.
Спят ребята и спят.
А тумана белесые клочья,
Словно тени кунгасов,
По глади залива скользят.

* * *

Спроси меня, как я живу,
С кем мучаюсь, дружу,
сражаюсь.

Твою оставив синеву,
Я каюсь, или же не каюсь?
И хорошо ли, ты спроси,
Мне тут, у голубых откосов,
Спроси!

А то уж нету сил,
Нет жизни без твоих вопросов!

Баллада о доброте

В. Малюковичу

Начинаю балладу хвалебною песнею ветру,
Этот ветер сжигает нам кожу, огнем зажигая сердца.
И над тундрой снега многотонными смерчами вертит,
Как Келе, что на смертных в какой-то момент
рассерчал.

Ветер вымоет душу до блеска весенних торосов,
Ветер выветрит грусть, будто выметет в доме полы.
Он умеет ласкать задубевшие щеки матросов
И срывать с наших губ, пусть скупые, слова
похвалы.

На чаевке любой я сегодня желанный-желанный.
И меня принимают, и делят со мною костер.
Тут живет простота. Вымерзают тут ложь и
жеманность,
Этот Север свирепый свою доброту распростер.

Вот который уж год я живу лишь такой добротою,
Не способной унижить, способной понять и помочь.
Я иду по земле, под луною, дождем налитою,
И готовой пролить этот дождь на полярную ночь!

* * *

У Любви моей нескладно
Складывалась жизнь.
То неладно, то накладно —
Вот и разберись.
Кинул все я и уехал
В дальние края,
Всем знакомым на потеху
Жизнь свою кроя.
А Любовь моя грустила
И в чужой судьбе
Платья шила, щи варила,
Мыла пол, детей растила...
А жила во мне!

Белоночье

Ощушаю душой
Приближение белых ночей.
Ослепительный блеск
Ослепительно синих очей.
И не свет, и не мрак
Полусвет,
 полуночь, полудень,
Белоночье мое
полусон, полуювь,
 полутень.

А по белой ночи
Синей лодкою
Месяц глывет
И размытое
Солнце
Над тундрой коряжской
 встает.

Белоночье

Ощушаю душой
Приближение белых ночей.
Ослепительный блеск
Ослепительно синих очей.
И не свет, и не мрак
Полусвет,
 полуночь, полудень,
Белоночье мое
полусон, полуявь,
 полутень.
А по белой ночи
Синей лодкою
Месяц глывет.
И размытое
Солнце
Над тундрой корякской
 встает.

Володе Федюшкину

* * *

Раньше я о таком лишь слышал,
А теперь увидел воочию.
Засыпает дома по крыши
Белый снег колдовскою ночью.

Даже ветер над тундрою вежлив,
А писали, мол, буен и груб.
Будто пар над берлогой медвежьей,
Дым из низеньких черных труб.

А вокруг замеченные версты,
Царство белых снегов окрест.
Вечереет.

И вмерзли звезды
В подсиненные льды небес.

Воробей

Григорию Хохлову

Морозец жмет.
Взъерошенный, озябший,
Средь певчих пташек
Признанный плебей,
Накинув куцый
Серенький азамчик,
Чирикает бедовый воробей.
Беда ли в том,
Что не умеет петь?
Зато как бурно радуется
Жизни,
К иным краям не мысля
Улететь,
Хоть знает —
Зимы лютые в Отчизне!

* * *

Евгению Сигареву

Почему, опустив глаза,
Нынче слушаю вьюги вой?
И скупая, как тундра, слеза,
И тоска моя снова со мной.
Я поездил.

Я видел свет.
Отчего ж позабыть не могу
Тот лучистый олений след,
Проступивший на мокром снегу?

Медведь

Берлогу затопило. И спросонья
Медведь снарядом вылетел в апрель.
Висела на деревьях крупной солью
Застывшая, блестящая капель.

И впалыми, облезлыми боками
Неспешно и неслышно поводя,
Он обнял вдруг большой прибрежный камень
И в синий лед метнул его шутя.

И треснул лед. Ручей рванулся к свету.
Медведь взревел в восторге от того,
Что заливает вешнюю планету
Ручей апрельский волею его.

И пошагал туда, где сопки сини,
Круша в таежных речках хрупкий лед.
Прислушайтесь:

невывспавшийся,

сильный

По бурелому тот медведь идет.

Колодец

Вот беру я кирку и лопату
И упрямую землю долблю
Как зерно молодое лопаю,
Как чурбак толстокорый колю.

Зарываюсь в нее я по плечи,
С головой я в нее ухожу.
А вода-то,
 вода-то далече,
Я не скоро ее угляжу.

Но когда вдруг забренькает ключик,
Пробиваясь на свет меж камней, —
Ничего нету слаще и лучше
Горьковатой воды, но своей!

По ягоды

Ручей изливается в жалобах
ябедник!

Бесшумно по ягелю, точно оглох,
Иду я на старый прабабушкин ягодник,
И мягко мне под ноги стелется мох.

Желтеет осколками солнца морошка,
Брусника таращится красным глазком.
Я ягодник старый.
Для Сашки и Лешки,
Соседских мальчишек, я вроде главком.

Раскатистым эхом звенит мое детство,
Хохочет измазанным ягодой ртом...
Мне десять всего,
как и этим младенцам?
Мне тридцать уже? Или будет потом?

Ручей изливается в жалобах
ябеда!
Ты жалобам, Лешка, не очень-то верь...
И ягода,
рясная, спелая ягода...
Мы близко. И так далеко
мы теперь.

Осенняя охота

Вот к югу потянулись косяки,
Запахло на болотах
Спелой клюквой.
И, видимо, про нас
Таких-сяких
Судачат хряквы,
Разеная клювы.
Осенняя охота.

Перелет.

Великое коченье всех пернатых.
И в эту пору лихорадка бьет
Охотников
Юнцов и боролатых.
И я люблю
С ружьишком за плечом
Пройтись по жухлым,
Переспелым травам.
Послушать,

как легко и горячо

Под сердцем плещет

сладкая отрав.

Хвала тебе,

охотничий азарт,

И в непоголь гонящий нас из дома,
Вперед, вперед!

И нет пути назад.

Мне это чувство древнее знакомо.
А байки у нежаркого костра?!

Извечные охотничьи рассказы...
В минуты эти память
 так остра,
Что этого и не опишешь сразу.
И зоревая розовая мгла,
И медные распластанные листья,
И свист чирка,
Прищур холодных глаз.
И выстрел!

У нас опять
Нелетная погода,
Уж скоро месяц света не видать.
Под серой простынею небосвода
Нам только чуда
Остается ждать.
Над бухтой и над тундрой
Злая хмара.
И ладно хоть,
Что нету комара.
И хлюпают,

Мари,
В объездах стиснув наши трактора.
Нет почты.
Сигареты на исходе.
Над казаном бранится вяло кок.
Но через мари
Все же мы проходим
По тяжелейшей в мире из дорог.
И каждый раз,
В рассвет шагнув с порога,
Мы видим в тусклой синеватой мгле:
Прямая, как стрела,
Лежит дорога —
Наш след
На лютой
Северной земле.

Тагам

Тагам!* проору я
 своей мохнолапой упряжке.
Поземка рванется,
 ударит хлыстом по ногам.
Отчаевали.
 Прикончили фляжки.
Тагам, мохнорылые!
 Только тагам!
К соленой воде,
 через белые заструги тундры,
К зеленым торосам, к ветвистым оленьим рогам...
— Тагам, дороги!
 Вам, знаю, приходится трудно.
Не легче и мне.
 Ну, тагам, бедолаги! Тагам!...

Хочу, чтоб всегда
 неостывшее слово звучало,
Врезаясь, как выстрел,
 в собачий неистовый гам.
Всему есть конец.
 У поэзии только начало,
Рожденное властным, гортанным призывом:
 Тагам!

* Т а г а м вперед (коряжск.).

ПЕРЕВОДЫ
с еврейского

S

Город юности

Нежным кружевом
 заснежена,
Закуржавлена тайга.
На кусты, подрост,
 валежины
Пали рясные снега.
По тайге звериный голод
Рыщет с легкостью в ногах.
И восходит новый город
В этих сахарных снегах.
Ни мороз, ни лютость выюги
Не пугают горожан.
Сводят глушь-тайгу в округе,
Строят град Биробиджан.
Видно, им покой неведом.
Гром с земли, а не
 с небес.
Спят в чашобнике медведи,
Снится им июльский лес,
Сладкой ягодой богатый,
Медом, вязким, как смола.
Носит эхо перекаты
Голосов и топора.
Расплескалась по отрогам
Солнца яростная медь.
И в урочище далеко

С лежки встал, урча,
медведь.
В мире снежном,
незнакомом
Злой, невыспавшийся встал.
И пошел.
Тот гул и гомон
Гнал его за перевал.
Ритмы стройки ритмы боя,
Где сдавайся,
кто не дюж!
Отступил медведь, с собою
Унося медвежью глушь!
Век мне помнить
многоснежье
Той зимы. И тех парней,
С кем воздвиг в углу
медвежьем
Город юности моей.

Колос

Я колос ржаной
Обломил, проходя
Межою, забывшей
Дыханье дождя.
Был колос осанист,
Остист и тяжел.
Ласкал его дождик,
И зной его жег.
Но колос,
Зерно наливаячи, рос,
Омытый рассветными
Брызгами рос.
И Солнце отец,
И Земля его мать,
Ему свою силу
Спешили отдать.
Водой напоить
И теплом напитать,
Чтоб смог караваем
В дому моем стать
Тот колос,
Что походя я обломил,
Когда на рассвете
Межой проходил...

ЭММАНУИЛ КАЗАКЕВИЧ

Земля, на которой
я счастлив

Я, коня не седлая,
Взлетел на него.
И шарахнулись в стороны
Синие тени.
Я наметом лечу
Среди сказочных гор
По обильному августу
В рыжем цветенье.
От Биры до Хингана,
Коня горяча,
Мимо пасек,
Пропавших медвяным настоем,
Сквозь смолистые запахи
Кедрача
Я лечу. И я вижу
Земля моя строит.
Мне навстречу
Выходят мои земляки.
Я приветствую их,
Поздравляя с успехом...
0-го-го!
Возвращается из-за реки
Их ответ многократным,
раскатистым эхом.
И девчата с полей

Мне помашут вослед.
Тракторист улыбнется
Приветливо, щедро.
Я люблю свою землю!
Мне мил белый свет!
В зимовье нахожу
Я смолистые щепки.
Сухари. И хрустящую
Соль в туеске.
И заботу о том,
Кто придет сюда следом.
В моем сердце
Нет места старухе-тоске,
Залита она ярким
Улыбчивым светом.
Я наметом промчусь
По родимой земле,
Да, она для меня!
И, как тысячи радуг,
Расцветает в душе,
Расцветает во мне
Неизбывная, полная
 свежести радость!
Становлюсь я похожим
На эти края.
Не прохожий,
А общего дела участник.
Полюбила меня
 та земля,
На которой я счастлив!

Мои песни

Туманные аллеи красных сосен
Хранят одним им ведомые сны.
И в золоте разливы прошлых весен,
И пьяный воздух нынешней весны.

И, хохоча беспечно, мы идем
Туда, куда аллеи нас уводят.
И новых весен жаждем мы и ждем.
Они приходят, и они проходят.

Оглянемся, встревоженно-тихи,
И друг у друга ничего не спросим,
И лишь негромко прозвучат стихи
В аллеях сосен и ушедших весен.

БОРИС МИЛЛЕР

В начале дня

Качнулась сарана на тонкой ножке,
Разжав бутон в рассветные часы.
Взгляни алеют у нее в ладошке
Рубиновые капельки росы.

А на лугу бессчетно и несметно,
Сверкая так, что береги глаза,
Под диском солнца золотисто-медным
Рассыпана по травам бирюза.

Куда-то облака плывут отважно,
Пятная неба голубой сапфир.
Таким вот легким, многоцветным, влажным
Люблю и принимаю этот мир.

Вишни

Как назначено природой,
Так и вышло.
Расцвели и отцвели
Вишни.
Лепестки их разнесло
Ветром.
Покрываются листвой
Ветви.
А до ягод далеко
Все же,
В сад неслышно и легко
Входит дождик.
По вишневому кусту,
Весел,
Капли крупные, как бусы,
Развесил.
Солнце тронет их лучом
Алым
В каждой капле будто кровь
Заиграла.
Все как в сказке,
Как во сне вышло.
Уродила по весне
Вишня.

Тихий дождь

А что нашептывает дождь
Кустам, цветам и травам?
Напрасно ты ответа ждешь:
Вопрос им не по нраву.

Молчат цветы, молчит листва,
Как бы тебя не слыша.
И лишь промокшая трава
Лепечет: «Тише, тише».

Прислушайся и ты поймешь,
И различишь по ладу
Стихи, что спелый вешний дождь
Нашептывает саду.

ИСААК БРОНФМАН

Улица Шолом-Алейхема

...Мне дорог этот город.
Люблю гудков его
Рассветный говор,
И звон Биры,
И сумерки аллей
Здесь я встречаюсь
С юностью моей.
И часто снятся мне
Костры и ливни,
Гул тракторов
И перебранка пил.
Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таежный воду пил.
Не жалко,
Что кирпичиком здесь лег я
Вот в эти мостовые
И дома.
Взметнулся город
Птицей-песней легкой,
И я шепчу
Шолом-Алейхема слова:
«Смеяться здорово,
Врачи велят смеяться!»
На площадях цветет сирень, акация.

Шолом алейхем —

это значит

«Мир вам!»
Что может быть дороже
Этих слов!
Мой город спит
Под небосводом мирным,
Укутанный таинственностью снов.
Шолом-Алейхем
Звонкий мастер слова
Любил людей.
И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся
С ним снова
На улице,
Носящей это имя.
Здесь поднялись дома
До неба синего,
Здесь встали корпуса
Заводов новых.
Живут здесь люди
Честные и сильные
Строители
Невиданнейшей нови.
Когда рассвет
Крыло зари расправит
И приподнимет
Черный полог ночи,
Ему навстречу
Двери открывает

К станкам своим спешащий
Люд рабочий,
О, если б мог
Шолом-Алейхем видеть,
Как труд их светел,
Радостен и славен.
Он вечно молодой
Смешливый витязь,
Великой

Песнью Песен
Их прославил.
Над городом
Распахнутые дали...
Шолом алейхем, люди!
Мир вам, люди!
И улице мы это имя дали
Она достойна.
И всегда так будет!

Не забыть

Не забыть, не избыть
Той военной години.
Над окошком избы
Наклонились рябины,
Глухо брякнул засов,
Открываются двери.
В тихий дом я зашел
И глазам не поверил —
В трех колясках
Три мертвых ребенка лежат...
Сердце в бешеной пляске,
Сердце бросило в жар.
И над кровью их ран,
Что как гроздь рябин,
Я в рассветную рань
Разрядил карабин.
И пошел я по черным
Дорогам войны,
Каплей малой в упорном.
Напоре волны,
Что слила воедино
Весь гнев и всю боль —
За ребячьи седины,
За проигранный бой...
Над туманами ранними
Новых песен волна.
Незажившею раной
В моем сердце — война.

* * *

У меня и у моря
Бессонница...
Ковш Медведицы книзу
 клонится.
Звезды падают, чуть шурша,
На сырой песок из ковша.

Море сонно и глухо ворочается
С боку на бок, с волны на волну.
Море, море,
 чего тебе хочется?
И тревожно мне .почему?

Ты штормами безумно играло,
Ты валы до небес поднимало,
Разбивая о скалы их.
Что же норов твой поутих?

«Незабытое — не забыто.
Как осколок в груди твоей
С той проклятой и
 неизбытой,
Лодки атомные во мне.

Я суда качаю рыбачьи,
Размыкаю я устья рек.
Я тебе принесу удачу.
Помоги же мне, Человек!»

И радостно, и грустно это.
Я в стенку тихо постучал,
Выходит, не одни поэты
Спать не ложатся по ночам.

Давай, сосед, погасим лампы,
Удача, знать, не у дверей.
Нам по полвека, и уж нам бы
Знать надо: утро мудреней...

За недописанные строки,
За недодуманный чертеж
В ответе мы.
И критик строгий
Нам наша совесть,
Что ж ты ждешь?

...Когда заря плеснула в окна
И по окну роса стекла,
Счастливый, встал я у истока
Новорожденного стиха...

Начало

Звездою дальней
ночь взглянула
В окно.
Там высь необозрима...
И вновь срываюсь я со стула,
Лист со стихом
летит в корзину.

Все брошу.
Снова не выходит.
Корявы строки и избиты.
Измотан я, ко мне приходят
И огорченья и обиды.

Ну где же песни той истоки?
И как мне рассказать о том
Простым, как небо,
и высоким,
А не ходульным языком.

Но почему не спит наш дом?
Не спит,
Шаги за стенкой слышу.
Соседа кашель узнаю.
Там за стеной
конструктор Миша
Машину думает свою.

И радостно, и грустно это.
Я в стенку тихо постучал,
Выходит, не одни поэты
Спать не ложатся по ночам.

Давай, сосед, погасим лампы,
Удача, знать, не у дверей.
Нам по полвека, и уж нам бы
Знать надо: утро мудреней...

За недописанные строки,
За недодуманный чертеж
В ответе мы.
И критик строгий
Нам наша совесть,
Что ж ты ждешь?

...Когда заря плеснула в окна
И по окну роса стекла,
Счастливый, встал я у истока
Новорожденного стиха...

Утро

Семью цветами радуги
Небо опоясано.
Солнечная радость
Прянет через прясла.

Каждая травинка
В бисере росы.
Колос расправляет
Пышные усы.

Дышит зноем лето
И глядит светло.
За речною лентой
Тихое село.

На крыльцо выносит
Мальчугана мать,
Чтоб над миром росным
Солнце повстречать.

Над лесной опушкой
Розоватый свет
Насулит кукушка
Парню много лет.

В небе запоздалый
Огонек потух.
В солнечные дали

Выстрелил пастух.

И за синей гранью
Стайкою галчат,
Свежие, ранние
Голоса девчат!

ЛЮБОВЬ ВАССЕРМАН

Такие ночи

Та ночь переходила в день
Так нежеланно скоро.
И солнце слизывало тень
Сумбурных разговоров.
И все-таки от тех ночей,
От тех речей несвязных,
От блеска жаркого очей
В душе остался праздник.
И песней ожила во мне
Той ночи благодать.
Не истребить ее вовек,
Забвенью не предать.
...Взлетая, тают на лету
Те песни, что пою.
Они, как яблонька в цвету,
У бездны на краю.

Стихи, собранные в 1964 г.

В М. 1964 г.

В М. 1964 г.

В М. 1964 г.

В М. 1964 г.

В М. 1964 г.

В М. 1964 г.

Больница

В окне стояла
Красная луна,
Точней
Ее вторая половина.
И излучала слабый
Синий свет.
И почему-то
Не казалось странным
В тот миг
Такое преломленье света.
Невидимые пальцы
Сжали горло
Того, кто умирал
В палате мрачной.
И тихо растеклась
Его улыбка,
Как лунный свет
По бледному лицу.
И жизнь из глаз,
Распахнутых на мир,
Водой в песок
Бездонный уходила.
И сразу тени
Серые, как мыши,
Зашебуршали
В сумрачных углах
И закружили
В бестолковой пляске,

Подсвеченной
Безжалостной луной.
В ночи далеко
Взлаяла собака
И резко смолкла...
И раздался вой.

Глаза

Мои глаза готовы все вместить,
Им до всего на этом свете дело...
Заметят почки начали цвести,
Заря над синью сопok заалела.
И сумерек сиреневые тени,
И серебристых тополей метель,
И тоненькую травку, в напряженье
Пробившую сквозь землю путь
в апрель.

Густых туманов молоко парное,
Что заливает землю поутру.
И семицветье радуг над Бирою,
И ласковую нежность милых рук...
Мои глаза!
Ну что мне делать с вами?!
Как фотокамера все схватывает вмиг
И навсегда запечатлит.

С глазами

Творится то же.

Помню старый гриб,
Подснежник синеглазый у тропинки,
Слезу, что многоцветною росинкой
Повисла на ресницах.

Синий лед.

И ласточек раскованный полет.

* * *

Окна настезь — входи, весна!
Сердце настезь — добро пожаловать!
Растопи голубеющий наст
В полусвете небесных стожаров.

Я люблю, когда иглы-лучи
Прошивают зимнюю шубу.
Когда ветер в окна стучит
И с ветвями задиристо шутит.
Вешних улиц люблю пестроту
И Биру в белой закипи нвы,
Ручек мальчика

доброту,

Что пускает кораблик счастливый.
И кораблик летит по волне,
И кричу я ему:

«Вос эрт зих?»*

И рождается песня во мне,
Шевельнувшись младенцем

под сердцем.

Мне ветвями машет сосна,
Вспорот снег лучами-кинжалами...
Окна настезь — входи, весна!
Сердце настезь — добро пожаловать!

* *Вос эрт зих?* Что слышно?

Сын играет мелодию

Всплески крыльев, цветенье сада
Властно входят в мысли мои.
Небо звонкое дышит прохладой
Сын играет «А нигн»...

Зорь дыхание в том напеве
И улыбка светлых сердец...
Помню — песни иные пели.
Предо мной встает мой отец.

Старый грузчик с плечами грузными,
Руки, словно судьба, тяжелы,
И с глазами грустными-грустными,
Как ущербный ломтик луны.

И струится светлая сказка,
По камням ручейком звеня,
Он ее принимался сказывать,
Утешая в горе меня.

Златострунные пели скрипки,
Свиристели звонко свирели...
И распаивались со скрипом
В мир иной тяжелые двери.

В тех далеких, счастливых землях
Дети спят на мягких перинах,
Каждый день они кушают земелэх

И следят полет голубиный.

Где ж они, те счастливые дети?
Я однажды отца спросила.
Ничего он мне не ответил,
Только сжал плечо мое с силой.

Пронеслись, пролетели годы.
Я сама уже стала мамой.
Это сын мой играет сегодня —
Песню дня, музыкант упрямый.

В этих звуках я слышу песню
О счастливом, лучистом детстве.
Песня просится в поднебесье,
На земле этой песне тесно.

* * *

Снегопаденье, как акаций цвет,
Охватывает все деревья разом,
И свежим ароматом будит разум,
И прибавляет жизни десять лет.
И небо после снега голубей.
Он пал на землю и еще не стоял.
Он радостен, как трепетная стая
Взлетевших в поднебесье голубей.
Так неужели ж ты ему не рад?
Забудь свои заботы и печали.
Идем со мной. И пусть нас закачает
В ладонях улиц первый снегопад.

Первый снег

Снег медленно на город опадает.
И молодеет город с каждым днем.
А может, нам он молодость подарит?
Мой друг, давай по улицам пройдем.
Там белый снег на синий след
струится,
Антоновкой там пахнет,
как в саду.
Сквозь снегопад
на след пера жар-птицы
Я незнакомым городом иду.
Его не узнаю я в этот вечер,
Иду, как в околдованном лесу.
И веру в то, что чудо нынче встречу,
Я, как птенца за пазухой, несу.
А чудо в сквере весело хохочет
И озорным снежком несется вслед.
А снег кружит, кружит,
как будто хочет
Напомнить мне мои семнадцать лет!

Березке

Не гнись, березка,
Под осенним ветром,
Срывающим листву
С твоих ветвей.
Живи, как я,
Большой и светлой верой
В то, что сезонен
Лютый ветровей.
Пусть долу гнет
Тебя тот вихрь свирепый,
Пусть золото листвы
Швыряет в грязь.
Пусть выглядишь
По осени нелепой,
С родной землей
Да не прервется связь!
Ведь непогодь
И холода не вечны.
Придет весна
На наш с тобой порог.
Ее ты встретишь
В платье подвенечном
И в тихом звоне
Золотых серег.

САППА ВЕХТЕР

Биробиджан

Разлив Биры раздвинул берега,
Но стянуты мостом они навечно.
Здесь покорила матушка-тайга
Энергии и силе человеческой.
Рождаясь в звоне топоров и пил
И поднимаясь из болот и марей,
Нас город крепкой дружбой наградил,
Будь русский ты,
 еврей,
 или татарин.
Мы здесь живем
 единою семьей,
Соединил нас город и приветил.
Ведь солнце, что у нас над головой,
Всех равно греет,
 и всем равно светит.

Сердце

Сердце поэта
Открытая рана,
Оно чужою болью болит.
Оно в порезах
и шрамах рваных,
Оно огнем негасимым горит.

В сердце рождается песня поэта
Кровью горячей омытый стих.
Если от сердца та песня спета,
Она за собой поднимает других.

СОДЕРЖАНИЕ

СКЛАДЕНЬ

“Ах, осень в Приамурье!..”	7
Отчество.....	8
Откровение	9
Чаша.....	10
Обещали.....	12
Мое поколение	13
“Уж сколько раз меня на компромисс...”	14
Мода	15
“Утверждались идеалы...”	17
“Шагни за черту...”	18
“Была ли билетерша столь растрогана...”	19
“Разожми персты...”	20
Гнездо	21
Стихи сыну	22
“В январских гнездах пустота и стынь...”	27
Учитель	28
“Снега сорок первого...”	31
“Романтика войны...”	32
Земляника детства	34
“Груздей розетки, налитые всклень...”	36
“В пору ожидания снегопада...”	37
Раздумья в снегопад	38
Гроза	40
Суворов	41

Из цикла "Скоморохи"

Озорные мужички	42
Скоморохи	43
Евпатий Коловрат	45
Алексашка	46
Поток	50
Микула	51
В городском саду играет	52
Мастер	53
"По стволам водопроводным трубам..."	56
"Ах, как август ранетом засыпал сады..."	57
"Я рад, что мне, а не кому-нибудь..."	58
Свеча Пастернака	59
Гончарный круг	61
"В тетради общие писать..."	62
Петухи	63
Складень	64
"Стихи что дети..."	67
Портрет	68
Гекзаметр Гомера	70
Когда-нибудь	71
"Случилось нынче припоздать весне..."	73
"Волховала кукушка..."	75
Синие розы	77

КОЧЕВЬЕ

Кочевье	81
"Я приехал оттуда..."	83

Кочующий полуостров	85
Предзимье	86
“Ты в дорогу...”	87
“Мороз окреп...”	88
Карага	89
Баллада о вожаке	90
“Что нужно мне, когда я одинок?..”	92
Вместо колыбельной	93
“Спроси меня, как я живу...”	94
Баллада о доброте	95
“У любви моей нескладно...”	96
Белоночье	97
Таежник	98
“Раньше я о таком лишь слышал...”	99
Воробей	100
“Почему, опустив глаза...”	101
Медведь	102
Колодец	103
По ягоды	104
Осенняя охота	105
Дорога	107
Тагам	108

ПЕРЕВОДЫ с еврейского

Генрих ШВЕДИК

Город юности	111
Колос	113

Эммануил КАЗАКЕВИЧ

Земля, на которой я счастлив	114
Мои песни	116

Борис МИЛЛЕР

В начале дня	117
Вишни	118
Тихий дождь	119

Исаак БРОНФМАН

Улица Шолом-Алейхема	120
Не забыть	123
“У меня и у моря...”	124
Начало	125
Утро	127

Любовь ВАССЕРМАН

Такие ночи	129
Больница	130
Глаза	132
“Окна настежь входи, весна!..”	133
Сын играет мелодию	134
“Снегопаденье, как акаций цвет...”	136
Первый снег	137
Березке	138

Сапра ВЕХТЕР

Биробиджан	139
Сердце	140

Виктор Иванович Соломатов
ИЗБРАННОЕ
книга стихов

Сдано в набор 07. 05. 2001г. Формат А6. Бумага офсетная.
Гарнитура Thames. Усл. печ. листов 5,5. Тираж 500 экз.

Редакционно-издательский центр «Приз».
680000, Хабаровск, пер. капитана Дьяченко, д. 7а.

Лицензия ЛР №030363

